

СРЕДНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ В РАБОТАХ ИСТОРИКОВ И КРАЕВЕДОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - НАЧАЛА XX в.

© 2015 Я.М. Цыганова

Самарский государственный университет

Поступила в редакцию 20.08.2015

Статья посвящена вопросу о том, какое место занимали проблемы истории Среднего Поволжья в отечественной историографии второй половины XIX - начала XX в. Прослеживаются различия в восприятии истории региона столичными и местными историками, а также краеведами-любителями. Основное внимание уделено тому, насколько исследователями осознавалась специфика истории края и в чём, по их мнению, она заключалась.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, отечественная история, историография, краеведение.

Одним из стержневых процессов развития отечественной исторической науки в XIX веке стала её специализация – переход от обобщающих трудов по истории России в целом к углублённому изучению более узкой, специальной проблематики. В пореформенную эпоху прочное место в российской исторической науке заняла местная проблематика – история отдельных регионов империи, что неоднократно отмечали историографы¹. Так, например, Д.И. Иловайский изучал историю Рязанского княжества; Н.И. Костомаров много внимания в своих трудах уделял Малороссии, а также написал работу, посвящённую Великому Новгороду; а А.А. Кизеветтер исследовал роль Северо-Запада России в историческом развитии страны и т.д.²

Историческое знание превратилось в мощный фактор формирования коллективного самосознания – не только общенационального, но и регионального. Одним из ярких представителей новых тенденций в изучении российской истории был казанский историк А.П. Щапов. Щапова не устраивало, что в современной ему исторической науке «на первом плане рисуются действия государственности, развитие единодержавия, централизации»; взамен устоявшегося в науке того времени принципа историописания с позиций «центра» Щапов предложил принципиально новый, «областнический» подход к изучению и преподаванию российской истории как «истории различных областных масс народа, истории постоянного территориального устройства, разнообразной этнографической организации, взаимодействия, борьбы, соединения и разнообразного политического положения областей до централизации и после централизации»³. Стремления Щапова нашли поддержку у ряда историков, самым видным из которых был Н.М.

Костомаров; концепция «областничества» стала теоретическим оформлением нового направления исторической науки – региональной истории.

В пореформенный период развивалась публицистическая кампания за право провинции на культурное самоопределение⁴. Численно возрастающая местная интеллигенция становилась носителем регионального самосознания; осознание значимости каждого из регионов на историческом пути России привело к появлению ряда исследований по региональной истории, написанных выходцами из среды местной интеллигенции. Как показано в исследовании В.А. Бердинских, «именно в это время (1860-1890-е гг.) созданы тысячи историко-краеведческих работ, быстро формируется тип провинциального историка-краеведа, что стало существенным вкладом в науку и культуру России»⁵. Развитие регионалистики во второй половине XIX - начале XX в. стало предвестником бурного всплеска краеведческих исследований в 1920-е годы, которые считаются «золотым десятилетием отечественного краеведения».

В нашем исследовании сделана попытка проследить, как в исторических трудах второй половины XIX - начала XX в. изучалась история одного из регионов Российского государства, а именно Среднего Поволжья, которое по историческим меркам вошло в состав России относительно недавно – в отличие от Рязанского княжества или Великого Новгорода, воспринимавшихся как «исконно русские», исторически российские территории. Задача состоит в том, чтобы выяснить, какое место занимало Среднее Поволжье в исторических трудах той эпохи, осознавалась ли исследователями специфика этого края и в чём, по их мнению, она заключалась.

Поставленная в данной работе проблема до сих пор разрабатывалась, как правило, в формате вводных историографических очерков в сборниках по истории Среднего Поволжья или отдельных губерний⁶. Наиболее подробный ана-

Цыганова Яна Михайловна, аспирант кафедры Российской истории. E-mail: tyn90@mail.ru

лиз историографии истории Среднего Поволжья на сегодняшний день предприняли самарские историки в коллективной монографии «Обретение родины»⁷, которая уже встретила позитивные отклики научного сообщества⁸. Авторы таких исследований видели свою задачу в том, чтобы выделить основные направления и подходы, ключевые проблемы в изучении прошлого Средней Волги, проследить важнейшие стадии историографического процесса. Однако в большинстве случаев специальный историографический анализ трудов пореформенного периода по истории Средневожского региона проводился лишь применительно к более узким проблемам. Так, например, изучалась историография присоединения Среднего Поволжья к России, колонизации региона и отдельных её аспектов, хозяйственного развития, этнической истории Поволжья и т.д.⁹ Сформулирована, но пока ещё не решена проблема реконструкции места Поволжья в «воображаемой географии» Российской империи; в частности, в работе А.И. Миллера поставлен вопрос о том, осознавалось ли Поволжье во второй половине XIX века как часть «исконно русских» или «типически русских» земель и был ли этот регион – с его этническим многообразием и золотоордынским прошлым – включён в «символическую географию российского национализма»¹⁰. Таким образом, комплексное развёрнутое изучение трудов историков и краеведов второй половины XIX - начала XX в. по истории Средневожского региона в едином проблемном поле остается насущной исследовательской задачей.

Сам термин «Среднее Поволжье» появляется в трудах исследователей именно в пореформенный период; история его постепенного формирования может стать отдельным исследовательским сюжетом. При определении границ региона учитывались прежде всего его географические особенности, то есть включённость в бассейн длинной и полноводной реки Волги, а также лесостепной зоны. Так, С.М. Соловьёв в своей «Истории России с древнейших времён» говорил о «Средней Волге» как территории Казанского царства¹¹. П.П. Семёнов-Тян-Шанский в своём «Географическо-статистическом словаре Российской империи» (1860-е гг.) делил течение реки Волги на четыре главные части, относя ко «второму среднему течению» регион от устья Камы до Царицына¹². Однако благодаря особенностям исторического развития этот регион часто рассматривали вместе с нижним течением Волги. Например, в работах Г.И. Перетятковича, написанных в 1870-1880-е гг., используется термин «Поволжье» – применительно к тем территориям, которые мы сейчас называем Средним и Нижним Поволжьем (от Волго-Камского региона до Астрахани); таким образом, «Поволжье» в представлениях Перетятковича не включало в себя регион Верхней Волги¹³. В подобном использовании термина

прослеживается символическое обособление территории, сравнительно недавно по историческим меркам вошедшей в состав России, от регионов верхнего течения Волги, которые были ближе к центральным регионам страны и считались исконно русскими. Историческое обоснование такого подхода содержится, в частности, в работе С.Ф. Платонова «Очерки по истории Смуты»: подробно реконструируя, как именно русские люди начала XVII века называли те или иные земли, Платонов доказывает, что к городам, находившимся «на территории покорённого в 1552 году Казанского царства, на обоих берегах средней Волги и на правом берегу нижней Камы и Вятки», а также к городам, поставленным «на нижней Волге, начиная от Самары, и на Каспийском побережье», в совокупности применялся термин «Низ» или «понизовые города». Историк также называет эту территорию волжским инородческим «Низом»¹⁴ в противовес Волжской Руси, то есть территории, которую мы сейчас называем Верхним Поволжьем.

Наконец, в конце XIX - начале XX в. термины «Среднее Поволжье» и «Средняя Волга» становятся широко распространёнными и взаимозаменяемыми¹⁵. В рамки Среднего Поволжья, как правило, включали Казанскую, Симбирскую и Самарскую губернии. Часть авторов исторических исследований туда же относили и Саратовскую губернию (например, А.В. Трупчинский). Тем не менее у большинства исследователей (В.И. Рагозина, М.К. Любавского, историков-этнографов И.Н. Сырнева, В.Н. Майнова) присутствовало более чёткое деление, и Средняя Волга или Среднее Поволжье выступало как отдельный регион – историческая территория древней Волжской Булгарии, Казанского ханства и отдельных выше обозначенных губерний¹⁶.

Представляется возможным выделить три группы исследователей второй половины XIX - начала XX в., в чьих трудах рассматривается история Среднего Поволжья. Первая группа – наиболее известные столичные историки, авторы обобщающих трудов по отечественной истории с древнейших времён или работ по каким-либо конкретным проблемам общероссийской истории. Вторая группа – местные историки-профессионалы, чья академическая карьера, как правило, была связана с Казанским университетом и которые подробно изучали прошлое Среднего Поволжья от истоков до современного им периода. Третья группа – представители местной интеллигенции, краеведы-любители, которые также интересовались прошлым своего региона. Как правило, фигура краеведа-любителя выходила на первый план в тех губернских и уездных городах Поволжья, где не было университетов (то есть всюду, кроме Казани). По социальной и профессиональной принадлежности краеведы могли быть чиновниками, священнослужителя-

ми, земскими служащими, врачами, учителями, деятелями местного самоуправления и т.д.

Прежде всего, рассмотрим научные труды наиболее известных историков пореформенного периода, чьи работы были посвящены изучению истории России с древнейших времён или какой-либо конкретной проблеме общероссийского масштаба. Наибольшее внимание в таких трудах уделялось центральным регионам России, где сосредоточивалась политическая власть. История отдалённых от центра регионов вплеталась в контекст общероссийской истории в зависимости от их значимости и от времени их появления на историческом пути России.

В трудах классиков отечественной историографии (С.М. Соловьёв, В.О. Ключевский, К.Н. Бестужев-Рюмин, М.К. Любавский и др.) сюжеты, связанные со Средним Поволжьем, были вплетены в «большой нарратив» общероссийской истории. Древняя история Среднего Поволжья интересовала лишь небольшое число учёных. Среди тех, кто посвятил своё исследование Волжской Булгарии, можно назвать историка-востоковеда, профессора Санкт-Петербургского университета В.В. Григорьева¹⁷. Более всего в истории Булгарского царства исследователей волновали отношения с Русью, так как именно с завершающего периода существования Волжской Булгарии, по мнению историков, началась борьба русских князей за контроль над этой территорией и Среднее Поволжье стало играть важную роль в русской истории.

В рамках «большого нарратива» Волжская Булгария интересовала исследователей, как правило, в связи с походами на Булгарию русских князей и разгромом её войском Батые в XIII веке. Главной проблемой, волновавшей историков, являлись также военно-политические отношения между русскими князьями и Золотой Ордой, поэтому Средняя Волга в их работах чаще всего представляла как театр военных действий и арена дипломатических переговоров.

Наибольший интерес у историков вызывали события, происходившие в Среднем Поволжье с XV века, когда своего расцвета достигло другое мощное государство – Казанское ханство, с которым Москва вела ожесточённую борьбу за контроль над территорией Средней Волги. Казань считалась преемницей Золотой Орды и одной из основных соперниц Москвы; в силу этого о ней историки отзывались крайне нежелательно, воспринимая её как «разбойничье гнездо, откуда предпринимались хищнические набеги на Московскую Украину»¹⁸.

Когда историки обращаются к периоду формирования независимого Российского государства (с середины XV века), упоминания Средней Волги становятся в их трудах гораздо более частыми и приобретают систематический характер. В.О. Ключевский так объяснял значимость и симво-

личность этого периода для российской истории: «Объединявшаяся Великороссия рождала идею народного государства, но не ставила ему пределов, которые в каждый данный момент были случайностью, раздвигаясь с успехами московского оружия и с колонизационным движением великорусского народа»¹⁹. То есть политическое усиление Российского государства имело следствием и его территориальное расширение, и Среднее Поволжье оказалось первым крупным регионом на пути этого расширения. «Из главных орд самой близкой и самой слабой была Казанская. На неё-то, прежде всего, и попробовали иметь влияние»²⁰. В связи с этим историков интересовало, прежде всего, завоевание Казани Иваном IV и предшествующие события как переломный момент в истории и Среднего Поволжья, и всей России. Этому событию придавали и символическое значение – окончательной победы над Золотой Ордой в лице её преемников; это было «первое завоевание ненавистного басурманского царства», по высказыванию Д.И. Иловайского²¹, сходные по смыслу высказывания можно отыскать у С.М. Соловьёва и К.Н. Бестужева-Рюмина.

С середины XVI века, когда территория Среднего и Нижнего Поволжья вошла в состав России, историки вели отсчёт кардинально нового периода в истории не только региона, но и всей страны. Основными проблемами в изучении исторического развития Среднего Поволжья применительно к XVI-XVIII вв. стали меры правительства по «усмирению» региона, процессы его заселения русскими, а также хозяйственное освоение. Присоединённые к России «обширные малообитаемые пространства открылись для русской колонизации»²².

Концепция истории России как истории колонизации была разработана в середине XIX века С.М. Соловьёвым. Он рассматривал этот вопрос с позиции государственного начала, считая роль правительства наиболее значимой в этом процессе. Концепция Соловьёва сформировала особую исследовательскую «оптику» и способствовала появлению ряда обобщающих работ по истории освоения «окраинных» регионов.

Колонизация Средней Волги рассматривалась историками с нескольких позиций. Во-первых, они затрагивали в своих работах политику усмирения и подчинения края правительству, борьбу с грабежами и разбоями на Волге. Во-вторых, они обращались также к теме экономической колонизации, сельскохозяйственного освоения региона. В-третьих, в их трудах находила отражение и духовно-культурная колонизация, то есть распространение христианства.

Подробно историю колонизации Поволжской окраины, а также Приуралья изучал ученик Соловьёва историк Г.И. Перетяткович. Он исследовал различные колонизационные потоки, отмечая, что в Поволжскую окраину «по преимуществу

стремились трудовые и гулящие люди из внутренней полосы России, потому что и те и другие находили здесь обширное приложение для своих инстинктов и сил»²⁵. Вслед за своим учителем Перетяткович отмечал ведущую роль правительства в освоении края, в особенности в процессе усмирения неподвластных кочевников, а также разгулявшихся казаков, чья деятельность в конце концов вылилась в восстание Степана Разина.

Не менее значимым для профессиональных исследователей являлось хозяйственное освоение Поволжской окраины. «Первоначальная русская колонизация этого края вызвана была чисто политическими причинами – желанием удержать завоёванную страну в покорности. Но с утверждением русского владычества в Казанском царстве дальнейшее заселение русскими людьми совершалось уже при действии совершенно других причин – экономических и социальных. Русские люди стали заселять край большей частью добровольно, находя здесь лучшие земли и уголья, чем в местах своего прежнего поселения»²⁴. Правда, П.Н. Милюков в свою очередь отмечал, что «к середине XVIII века население продвинулось сколько-нибудь значительно за черту только в самом безопасном углу – между течением Волги (от Симбирска до Саратова) и Симбирской чертой»²⁵.

Духовно-культурная колонизация Среднего Поволжья становилась темой для исследования во второй половине XIX столетия, как правило, у церковных историков. Однако некоторые светские исследователи также подробно изучали её, например, С.В. Ешевский, М.Ф. Владимирский-Буданов и др.²⁶ По мнению историков, христианизация народов Среднего Поволжья являлась неотъемлемой частью колонизационного процесса, они подчёркивали в ней как просветительское начало, так и политические задачи – подчинение коренных народов российскому правительству.

Таким образом, в общероссийском контексте средневожскому региону отводилась роль территории, за контроль над которой велась долгая кровопролитная борьба, и которая после присоединения к России требовала длительного активного освоения прежде всего экономического. История Среднего Поволжья вплеталась в общую канву истории России как история «чужой», «басурманской», «завоёванной» территории, которая лишь с ходом времени и ценой значительных усилий становится «своей».

Иной взгляд на историю региона, иная исследовательская оптика была представлена в трудах местных профессиональных историков, как правило, работавших в Казанском университете. Особенностью их исследований по истории Среднего Поволжья являлось то, что для них изучение истории родного края было самостоятельной научной задачей. Рассматривая региональную историю с древнейших времён, они уделяли внимание событиям, наиболее

значимым и эпохальным в судьбе региона, а не только в общероссийском контексте.

В отличие от столичных исследователей, местные историки, рассматривая древнюю историю Среднего Поволжья, начинали «отсчёт» своего повествования ещё до образования на этих землях могущественных государств. Они широко привлекали к своим научным изысканиям данные, полученные в ходе археологических раскопок. Можно выделить, например, работу К.И. Невоструева²⁷, в которой исследуются остатки древних болгарских городищ.

В работах региональных историков зачастую присутствовали этнографические очерки финно-угорских и тюркских племён и народностей, проживающих на этих землях с древнейших времён. В данных исторических исследованиях Среднее Поволжье представлялось как территория, которая ещё до вхождения в состав Российского государства имела богатое, но мало исследованное прошлое.

В связи с этим одной из главных тем в региональной историографии была история Булгарского царства. Специально государству волжских болгар посвящали свои труды казанские историки И.Н. Березин, С.М. Шпилевский²⁸, небольшие очерки о древнем царстве присутствовали в крупных монографиях по истории края²⁹.

О булгарах писали как о народе сильном и воинственном, образовавшемся из славянской, тюркской и финской народностей³⁰. Следует отметить, что вопрос об этнической принадлежности болгар (точнее, о доминирующем компоненте в их этногенезе) очень интересовал многих историков, однако ни один из них не рискнул дать окончательный ответ на этот вопрос, довольствуясь лишь предположениями, основанными на письменных свидетельствах арабских писателей.

Для местных исследователей – как и для известных столичных историков – важной являлась проблема взаимоотношений болгар с русскими княжествами. Однако в отличие от работ по общероссийской истории, в региональных исследованиях большее внимание уделялось интересам самой Булгарии.

Особая исследовательская оптика была свойственна местным историкам и при обращении к истории Золотой Орды: региональные исследователи, такие как Н.Н. Фирсов, М.Н. Пинегин и др., в отличие от С.М. Соловьёва, изучали не историю русских княжеств под властью золотоордынских ханов, а именно историю Золотой Орды, точнее, её центра, находившегося в Поволжье. Историки прослеживали преемственность между Золотой Ордой и Казанским ханством. Непосредственно истории Казани от Казанского ханства до Казанской губернии свои исследования посвятили М.С. Рыбушкин, Н.К. Баженов, П. Заринский, Г.З. Кунцевич³¹.

При воссоздании истории Казани местные историки иногда попадали в ситуацию своеобраз-

ного этического выбора между патриотизмом российским и патриотизмом региональным. Казанское ханство воспринималось ими как наследник и продолжатель политики Золотой Орды³², враждебной по отношению к Руси; как правило, при описании борьбы Казанского ханства и Москвы симпатии местных историков были не на стороне Казани. Однако, например, историк русской церкви, работавший в Казани, П.В. Знаменский в своём очерке о Казани, её прошлом и настоящем выразил сочувственное отношение к трагической истории ханства³⁵.

Покорение Казани в 1552 году местные историки, как и столичные, считали поворотным моментом в истории края. Это событие зачастую описывалось с точки зрения интересов Российского государства, а не бывшего Казанского царства. Так, историки отмечали, что с падением Казанского ханства «успокоились русские области, постоянно разоряемые... Поволжье перестало быть неистощимым источником добычи невольников»³⁴. Показательны в этом отношении слова казанского историка П. Заринского, отмечавшего, что в середине XVI века «не окончилось приведение всей окрестной страны «под Русскую державу». Со взятием Казани только переменились роли... мы принуждены были подавлять несколько раз восстания в побеждённом крае»³⁵. Выражение «мы» в данном контексте неопровержимо свидетельствует, что автор отождествлял себя и своих читателей с «Русской державой», а не с восставшими жителями «побеждённого края».

Особой темой для местных историков были восстания и бунты, сотрясавшие край вплоть до XVIII века. Поволжье, по мнению историков, стало пристанищем для беглых и многих недовольных людей, которые вместе с непокорными представителями коренных народностей составляли серьёзную угрозу для властей³⁶.

Безусловно, огромное влияние на региональную историографию оказала концепция истории России как истории колонизации, разработанная С.М. Соловьёвым. Среди наиболее известных казанских историков, изучавших колонизационные потоки, можно назвать Н.А. Фирсова³⁷, который главным образом исследовал распространение православия на Средней Волге и обратил внимание на экономическую составляющую этого процесса³⁸. Сельская колонизация, по мнению историков, была наиболее успешной: это делало Поволжье русским³⁹, так как именно благодаря плодородным землям шло активное хозяйственное освоение и заселение края русским земледельческим населением.

Многие местные историки изучали не историю Среднего Поволжья как целостного региона, а прошлое каждой из губерний – Казанской, Симбирской, Самарской, а также отдельных населённых пунктов. Историки изучали и описывали внутреннюю жизнь губерний и городов: наро-

донаселение, управление, архитектурный облик городов, быт их жителей, хозяйственную деятельность. Неизменно важными темами в работах местных исследователей были появление первых русских поселений на Средней Волге и основание городов. Об основании древней Казани сохранились лишь легенды, которые историки освещали на страницах своих трудов, пытаясь сконструировать на их основе наиболее вероятную гипотезу. Об исторических обстоятельствах основания более молодых «соседей» Казани – Самары и Симбирска – имелось больше достоверных данных, однако время основания Самары всё-таки вызывало дискуссии⁴⁰. Единодушны были историки в характеристике исторического значения этих крепостей как опорных пунктов для дальнейшей российской колонизации Поволжья.

Как часть духовно-культурной колонизации местные историки рассматривали религиозную жизнь населения Средней Волги. В трудах исследователей главным образом отражалось взаимодействие представителей различных вероисповеданий, выражавшееся чаще всего в распространении христианства и конфликтов на этой почве. Также историки не оставляли без внимания особенности традиционных верований поволжских народов и религиозное мировоззрение новокрещёных, сложившееся в результате взаимодействия культур. Эта проблема нашла отражение в историко-этнографических очерках профессора Казанского университета И.Н. Смирнова⁴¹, знатока истории и культуры финских народов⁴².

Как особый событийный ряд историки рассматривали и развитие просвещения на Средней Волге, в частности, распространение школ и учреждение гимназий. С точки зрения региональных историков, появление в регионе каждого нового учебного заведения было значимым и достойным гордости событием, свидетельством неуклонного движения региона по пути просвещения. Одним из важнейших моментов в истории края все местные историки называли открытие университета в Казани, превратившее древнюю татарскую столицу в интеллектуальный центр Поволжья. Так, в начале XX века историю Казанского университета подробно изучали историки Н.П. Загоскин, А.И. Михайловский⁴³. Исследователи отмечали исключительно положительное влияние университета на общественную жизнь города, так как он способствовал появлению обширного слоя интеллигенции – людей с высшим образованием, которые, как отмечал М.Н. Пинегин, «постепенно становятся единственными двигателями общественного развития»⁴⁴.

Немаловажными событиями для провинциальных регионов считалось посещение их представителями августейшей семьи. Такие визиты имели символическое значение: тот или иной город был удостоен «милостивого августейшего внимания», а значит, приобрёл определённую значимость. В

подобных очерках подробно описывалось, чем занимались их величества и их высочества в городе, какие места посещали, что в городе привлекло их внимание. Например, М.Н. Пинегин выделил в своей работе отдельные главы для описания посещения Казани Петром I и Екатериной II; Н.П. Загоскин в 1893 году издал небольшую работу, посвящённую пребыванию императора Павла I в Казани⁴⁵. В работах региональных авторов уделялось внимание и трагическим событиям из прошлого городов, например, эпидемии в Казани, опустошительным пожарам в Самаре.

Исследования местных историков составили лишь часть из всего комплекса работ по истории Средневолжского региона. Проявлением возрастающего интереса к региональной истории стало то, что к изучению прошлого Среднего Поволжья активно обращались также непрофессиональные историки-краеведы: журналисты А.Ф. Леопольдов и Н.Ф. Акаёмов, юристы П.Л. Мартынов и А.В. Трупчинский, земский статистик И.М. Краснопёров, самарский городской голова П.В. Алабин, священник Г.К. Богословский, педагог П.А. Преображенский и др.

Сопоставляя труды краеведов и профессиональных историков, работавших в данном регионе, мы можем, с одной стороны, отметить явное сходство между ними, с другой – столь же явные различия.

Краеведы-любители, как и историки из Казанского университета, вели отчёт региональной истории с самых древних времён, принимали во внимание результаты археологических изысканий, в своих работах описывали и историю Волжской Булгарии, Золотой Орды, Казанского ханства, и последующую эпоху российской колонизации края. Некоторые краеведы, например И.Н. Сырнев, в своих работах описывали прошлое края ещё с конца первого тысячелетия до нашей эры, начиная со скифов и повествуя о многочисленных народностях, населявших эти территории впоследствии (гунны, тюркские народы: хазары, болгары и т.д.)⁴⁶. Впрочем, в то же самое время существовала и точка зрения, которую в категоричной форме выразил самарский градоначальник П.В. Алабин: средневолжская территория «не могла иметь своей истории по разноплеменности временных обитателей, часто сменявших друг друга»⁴⁷. Однако подобный подход применялся далеко не всеми краеведами, так как интерес к древней истории родного края был высок.

Историю Казанского царства благодаря наличию большого количества достоверных источников краеведы изучали по возможности подробно и в этом отношении ненамного уступали историкам из Казанского университета. Как и в трудах профессиональных историков, главное место в краеведческих исследованиях занимали отношения Казани с Москвой и падение Казани, «которую судьба определила покорить Ивану IV

Грозному»⁴⁸. История же Симбирска и Самары более нашла отражение именно в любительских краеведческих исследованиях, нежели в профессиональных научных трудах.

С другой стороны, работы любителей обладали своей спецификой: их стиль отличался большей литературностью, в качестве источников краеведы более интенсивно использовали легенды и устные предания. Такой подход был точно отражён в работе А.Ф. Леопольдова: «Соберём же исторические заметки, сколько можно извлечь, частью из намёков истории России, частью из оставшихся в народе некоторых устных преданий»⁴⁹. Однако будет несправедливым не отметить, что ими анализировались также материалы, которые привлекали к исследованиям профессиональные историки, такие как археологические находки, письменные свидетельства, русские летописи, арабские и византийские источники, официальная документация, статистические сведения и т.п.

Взаимодействие коренных поволжских народов с русскими являлось в трудах краеведов одной из центральных проблем, так как «сама русская народность слагалась и развивалась под непосредственным влиянием соседних инородческих племён, входивших в состав болгарского союза, а впоследствии Казанского ханства, перерождая инородцев в себя и многое воспринимая от них в своё существо»⁵⁰. Как жители Средневолжского региона, краеведы хорошо понимали культурную специфику многонационального края, которая сложилась в процессе колонизации; сама колонизация представляла не как процесс одностороннего воздействия русских на местное население, но как процесс смешения, сложного взаимодействия и обоюдного «перерождения».

Темы исследования часто избирались краеведами-любителями в зависимости от сферы их деятельности или интересов. Так, например, священник Г.К. Богословский изучал историю Казанской епархии; земские статистики проводили исследования по хозяйственной колонизации средневолжских земель и т.д.; самарский градоначальник П.В. Алабин в исторических трудах много писал об истории местных органов власти⁵¹.

Значительное место в краеведческих работах занимали и вехи биографии тех деятелей, которые оставили значительный след в истории края: в их числе – основатели крепостей Григорий Засекин и Богдан Хитрово, воеводы и градоначальники, знаменитые бунтовщики Степан Разин, Фёдор Шелудяк, Емельян Пугачёв, стяжавшие себе славу в Поволжье, и проч. В силу этого на страницах краеведческих работ региональная история зачастую представляла более персонифицированной, красочной и художественной, чем в монографиях историков-профессионалов.

Подробное изучение краеведами древней истории Среднего Поволжья, а также разноо-

бразных сфер жизни данного региона с XVI по XIX в., привлечение значительного количества источников говорят о том, что краеведческие исследования отличались разносторонностью проблематики и достаточно профессиональным подходом. Исследования университетских историков выступали для краеведов-любителей в качестве образцов, на которые те опирались в своих изысканиях – и, как можно судить, зачастую весьма успешно.

Таким образом, в исследованиях по проблемам общероссийской истории Среднее Поволжье (применительно к реалиям второй половины XIX века – территория Казанской, Симбирской и Самарской губерний) упоминалось в различных контекстах: как территория нескольких крупных средневековых государств – ближайших соседей и соперников русских княжеств, выступавших то в роли завоевателей, то в роли жертв завоевания; как первое ханство, покорённое централизованным Российским государством; как очаг недовольства и восстаний; как колонизируемая земля, предоставлявшая русским переселенцам «обширное приложение для своих инстинктов и сил». При освещении каждого из этих сюжетов история Поволжья (представленная фрагментарно) вплеталась в «большой нарратив» истории Российского государства – его политического возмужания, территориального роста и экономического развития.

Выбор узловых событий при освещении истории Среднего Поволжья мог совпадать и у историков российского масштаба, и у региональных исследователей: в качестве важнейших вех истории региона выступали время существования Волжской Булгарии, её гибель, владычество Золотой Орды, возникновение Казанского ханства. Ключевым, центральным событием в истории региона, как правило, считалось взятие Казани в 1552 году – как окончательное завершение длительной борьбы русских правителей за контроль над этой территорией. В истории Поволжья XVII-XVIII вв. существенное внимание уделялось теме «казацкой вольницы», разнообразным волнениям и восстаниям, кульминацией которых стали «разинщина» и «пугачёвщина»; регион предстал как потенциально опасный, таящий постоянную угрозу по отношению к государству и чреватый огромной взрывной мощью. Когда же во второй половине XIX века интерес исследователей переключается с чисто политической истории на изучение социально-экономических процессов – история Среднего Поволжья стала рассматриваться сквозь призму истории российской колонизации, которая применительно к региональной истории приобретает статус главной исследовательской проблемы.

Работы провинциальных историков и краеведов-любителей отличались от трудов столичных историков не только степенью детализации при

освещении истории «своего» региона, но и принципиально иной исследовательской оптикой, иными ракурсами рассмотрения и смысловыми акцентами. Столичные историки смотрели на регион с точки зрения центра, писали его историю «от третьего лица», в то время как местные историки и краеведы – «от первого лица» в контексте взаимоотношений с Русью, а потом и развития в составе России. Задача провинциальных исследователей состояла не столько в том, чтобы вписать историю Поволжья в общероссийский контекст, сколько в том, чтобы представить связный, внутренне логичный нарратив региональной истории. Этим определялся выбор хронологических рамок повествования: местные историки и краеведы стремились осветить прошлое своего региона начиная с самых древних периодов истории, аккумулируя с этой целью данные археологических раскопок, этнографических наблюдений, а порой привлекая и легендарные известия, затем подробно описывали подчинение этого края Россией, делая акценты на завоевании Казани и на строительстве городов-крепостей, и зачастую завершали своё повествование «современностью», красочно описывая успехи экономического и культурного развития края.

Таким образом, Среднее Поволжье представляло в трудах историков и краеведов как территорию, прошедшая путь от «чужого», враждебного, потенциально опасного края до активно осваиваемой окраины империи. Процесс постепенного «о-своения» этого края Россией определял собой содержание исторических и краеведческих трудов – выбор их проблематики, хронологических рамок, расстановку акцентов при освещении конкретно-исторических сюжетов. Тем самым труды историков-профессионалов и любителей-краеведов вносили свою лепту в становление исторической идентичности региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Боярченков В.В. Историки-федералисты: Концепция местной истории в русской мысли 20-70-х годов XIX века. СПб: «Дмитрий Буланин», 2005.

² Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. М.: Унив. тип., 1858; Костомаров Н.И. О значении Великого Новгорода в русской истории // Костомаров Н.И. Собрание сочинений. Кн. 1. Т. 1. СПб: Типография М.М. Стасюлевича, 1903; Кизеветтер А.А. Русский Север. Роль Северного Края Европейской России в истории русского государства. Исторический очерк. Вологда, 1919.

³ Шапов А.П. Сочинения. В 3 т. Т.3: С биографией А.П. Шапова. СПб: М.В. Пирожков, 1908. С.31-32.

⁴ Зайонц Л. Провинция: опыт историографии // Отечественные записки. 2006. №5. С.70-88.

⁵ Бердинских В.А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С.282.

⁶ Кабытов П.С. Предисловие // История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. XVI

- первая половина XIX века. М.: Наука, 2000. С.5-9.
- ⁷ «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XIX - начало XX вв.) Часть 1. Очерки истории. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013.
- ⁸ *Любичанковский С.В.* Новейшая историография о феномене включения Среднего Поволжья в состав Российской империи // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т.4. №2. С.22-29.
- ⁹ *Ермолаев И.П.* Проблема колонизации Среднего Поволжья и Приуралья в русской историографии (вторая половина XIX - начало XX вв.). Дисс. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1966; *Зайцев А.В.* Христианизация нерусских народов Среднего Поволжья в отечественной историографии: вторая половина XIX - начало XX в. Дисс. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2009; *Историография и источники по аграрной истории Среднего Поволжья.* Саранск, 1981; *Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья.* Вып.1. Казань: Идел-Пресс, 2010.
- ¹⁰ *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С.217-240.
- ¹¹ *Соловьёв С.М.* Сочинения в 18 кн. Кн.3. Т.5 и 6. История России с древнейших времён. М.: Мысль, 1989. С.461.
- ¹² *Семёнов-Тян-Шанский П.П.* Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб: Типография Л.Н. Турубаева, 1863. С.509.
- ¹³ *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877; *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882.
- ¹⁴ *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. С.97-107.
- ¹⁵ Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 8. Среднее Поволжье и Приуральский край. Ч. 1. Среднее Поволжье. СПб., М.: Т-во М.О. Вольф, 1901; Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Под ред. В.П. Семёнова. Т.6. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1901.
- ¹⁶ *Рагозин В.И.* Волга. Т.3. От Оки до Камы. О народах на средней Волге. Исторический очерк. СПб.: Тип. К.К. Ретгера, 1881; Живописная Россия. Т.8. Ч.1. Среднее Поволжье.
- ¹⁷ *Григорьев В.В.* Волжские болгары. Казань, 1876.
- ¹⁸ *Любавский М.К.* Историческая география России в связи с колонизацией. СПб.: Лань, 2000. С.164.
- ¹⁹ *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций в трёх книгах. Кн.1. М.: Мысль, 1997. С.432.
- ²⁰ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. Том 2. Вып. 1. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1885. С.162.
- ²¹ *Иловайский Д.И.* Русская история. М.: Информпечать, 1998. С.83.
- ²² Там же. С. 83.
- ²³ *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края)... С.198-199.
- ²⁴ *Любавский М.К.* Историческая география России в связи с колонизацией... С.180.
- ²⁵ *Миллюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Часть 1. Население, экономический, государствен-
ный и сословный строй. СПб: Тип. И.Н. Скороходова, 1896. С.58-59.
- ²⁶ *Ешевский С.В.* Миссионерство в России // Ешевский С.В. Сочинения. Ч.3. М.: Изд. К. Солдатенкова, 1870; *Владимирский-Буданов М.Ф.* Государство и народное образование в России XVIII века. Часть I. Система профессионального образования: от Петра I до Екатерины II. Ярославль: Тип. Л.Ф. Фальк, 1874.
- ²⁷ *Невоструев К.И.* О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств. М.: в Синодальной типографии, 1871.
- ²⁸ *Березин И.Н.* Булгар на Волге. Казань: Типография университета, 1853; *Шпилевский С.М.* Указатель исторических достопримечательностей г.Казани. Казань: Типография университета, 1873; *Он же.* Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Университетская типография, 1877.
- ²⁹ *Пинегин М.Н.* Казань в её прошлом и настоящем. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1890. *Никольский Н.В.* Конспект по истории народностей Поволжья. Казань: Третья Типография Губерн. Сов. Раб., Крест. и Красн. Д-в., 1919; *Фирсов Н.Н.* Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. 2-е изд. Казань: Госиздат, Казанское отделение, 1920.
- ³⁰ *Пинегин М.Н.* Казань в её прошлом и настоящем... С.7.
- ³¹ *Рыбушкин М.С.* Краткая история города Казани. Казань: Тип. Шевиц, 1843; *Баженов Н.К.* Казанская история. Казань: Тип. Шевиц, 1847; *Заринский П.* Очерки древней Казани. Казань: Губернская типография, 1877; *Он же.* Сборник исторических и археологических исследований о Казанском крае. Казань, 1880; *Кунцевич Г.З.* Малоизвестные записки о казанских походах 1550 и 1552 года // Журнал Министерства народного просвещения. № 7. 1898; *Он же.* История о Казанском царстве. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1905.
- ³² *Невоструев К.И.* О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств... С.2.
- ³³ *Знаменский П.В.* Нынешняя Казань // Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т.8. Среднее Поволжье и Приуральский край. Ч.1. Среднее Поволжье. СПб., М.: Т-во М.О. Вольф, 1901.
- ³⁴ *Пинегин М.Н.* Казань в её прошлом и настоящем... С.77.
- ³⁵ *Заринский П.* Очерки древней Казани... С.4-5.
- ³⁶ *Пинегин М.Н.* Казань в её прошлом и настоящем...; *Фирсов Н.Н.* Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья...
- ³⁷ *Фирсов Н.А.* Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель. Казань, 1870.
- ³⁸ *Зайцев А.В.* Дореволюционная российская историография христианизации народов Среднего Поволжья. С.31.
- ³⁹ *Фирсов Н.Н.* Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья... С.104.
- ⁴⁰ *Лекарский П.П.* Когда и для чего основаны города Уфа и Самара? СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1872.
- ⁴¹ *Смирнов И.Н.* Черемисы: Историко-этнографический очерк. Казань, 1889; *Он же.* Вотяки: Историко-этнографический очерк. Казань, 1890; *Он же.* Пермь: Историко-этнографический очерк. Казань, 1891; *Он же.* Мордва: Историко-этнографический очерк.

- Казань, 1892.
- ⁴² Научная биография И.Н. Смирнова, с акцентом на той роли, которую он сыграл как эксперт в печально известном Мултанском деле, освещена в работе американского историка Р. Джераси: *Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России* / Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
- ⁴³ *Загоскин Н.П.* Деятели императорского Казанского университета 1805 г. - 1900 г. Казань: Типо-литография Казанского университета, 1900; *Он же.* История императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. Казань, 1904; *Михайловский А.И.* Преподаватели, учившиеся и служившие в императорском Казанском университете. Казань, 1904.
- ⁴⁴ *Пинегин М.Н.* Казань в её прошлом и настоящем... С.296.
- ⁴⁵ *Загоскин Н.П.* Император Павел I в Казани. Казань: Типо-литография Императорского Казанского университета, 1893.
- ⁴⁶ *Сырнев И.Н.* Исторические судьбы Среднего и Нижнего Поволжья и культурные её успехи // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т.6. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1901.
- ⁴⁷ *Алабин П.В.* Трёхвековая годовщина города Самары. Самара: Губернская Типография, 1887. С.1.
- ⁴⁸ *Леопольдов А.Ф.* Исторические заметки о Самарском крае // Журнал Министерства внутренних дел. Ч. XLII. Кн.6. 1860. С.9.
- ⁴⁹ *Леопольдов А.Ф.* Исторические заметки о Самарском крае... С.3.
- ⁵⁰ *Сырнев И.Н.* Исторические судьбы Среднего и Нижнего Поволжья и культурные её успехи... С.114-116.
- ⁵¹ *Богословский Г.К.* Краткий исторический очерк Казанской епархии. Казань: Типо-литография М.А. Чирковой, 1892; Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Вып.1: Самарский уезд. Самара: Типография Губернского земства, 1883; *Алабин П.В.* Двадцатипятилетие Самары как губернского города: Историко-статистический очерк. Самара: Губернская Типография, 1877.

THE MID-VOLGA REGION IN THE HISTORICAL AND REGIONAL STUDIES IN THE SECOND HALF OF XIX - THE EARLY XX CENTURY

© 2015 Ya.M. Tsyganova

Samara State University

The article is devoted to the place of the Mid-Volga region in the Russian historical and regional studies in the second half of XIX - the early XX century. The author compares the works of the prominent Russian historians, local historians, and local amateur historians. Particular attention is paid to the representations of the historical specifics of the Mid-Volga region in the historical writings.

Keywords: Mid-Volga region, Russian history, historiography, regional studies.